

Вернувшись в поместье, господин Лу проспал три дня и три ночи. Когда он наконец очнулся, первым делом спросил не о том, куда подевалась Синъюэ, а, крепко обняв сидевшую рядом Ляньэр, прошептал: — Мне казалось, я больше никогда тебя не увижу.

В тот момент сердце Синъюэ словно рухнуло с огромной высоты. Наблюдая за ними сквозь слезы, она решила молча уйти.

Все, что произошло в пещере, он, по-видимому, начисто забыл. Она горько усмехнулась: — Оказывается, я лишь тешила себя напрасными надеждами.

Все эти три дня и три ночи она ухаживала за ним, не отходя ни на шаг, и шептала ему на ухо слова о своей глубокой любви.

— Господин Лу, как вы могли, очнувшись, сделать вид, будто ничего не было?

У нее было бесчисленное множество возможностей сбежать, но она ими не воспользовалась. И теперь, когда шанс еще оставался, она поняла, что уже не в силах уйти.

Она была готова противостоять собственному отцу... Она твердо решила ради него остаться рядом навсегда.

— Невестка! — выскочила Лу Цюн. Лицо ее перекопилось от гнева, явно после бурной ссоры с кем-то в доме. Синъюэ тихо покачала головой, выдавила из себя улыбку и попыталась успокоить ее: — Все в порядке, я просто немного устала ухаживать за господином Лу. Может, прогуляемся за пределами поместья?

Она изо всех сил старалась вести себя как обычно, и ей это удалось. Лу Цюн видела, что та притворяется, но не стала разоблачать ее. Она взяла ее за руку и сказала: — Невестка, не грусти. Мой брат тебя не достоин. Я сейчас же отведу тебя туда, где ты познакомишься с другими знатными людьми.

— Хорошо! Я не собираюсь вешаться на одном дереве. Пойду знакомиться с другими!

Она нарочно сказала это громко, не зная, услышит ли он, но чувствовала себя жалкой, допуская мысль, что он хоть немного ею дорожит.

— Простите, госпожа, вам нельзя выходить, — преградил дорогу слуга поместья.

— Ты что, жить надоело? Я здесь хозяйская дочь, как ты смеешь меня останавливать?

— Госпожа, вам можно, но барышне У... молодой господин приказал ее не выпускать.

Лу Цюн и так была вне себя от ярости, а тут вовсе вскипела. Она уже замахнулась для пощечины, но Синьюэ удержала ее: — Оставь, они ни при чем.

— Нет, я сегодня обязательно тебя выведу!

С этими словами она выхватила меч и приставила к горлу одного из слуг, но тот не отступил: — Госпожа, не усложняйте нам жизнь. Если мы отпустим вас сейчас, то по возвращении вы найдете лишь наши трупы.

— Лу Цюн, со мной правда все хорошо. Не губи их из-за меня.

— Но мне так обидно! Ты ведь не рабыня, с какой стати он тебя здесь запирает?

— Да ладно тебе, я как раз вернулась и ухаживала за господином Лу, на самом деле порядком устала. Дай мне просто отдохнуть.

Сказав это, она направилась к себе, а Лу Цюн пошла следом, молча охраняя ее покой. Синьюэ легла и сказала ей: — Ну вот, я ложусь спать, теперь ты довольна?

— Я посплю с невесткой. — Не дожидаясь согласия, она сняла обувь. Синьюэ лишь беспомощно вздохнула и легла рядом.

Отвернувшись к стене, она беззвучно заплакала.

Во сне она снова оказалась в месте, где был кокон, но теперь его снаружи густо покрывала трава. Настроение у Синьюэ было скверным, и ей было не до того, чтобы размышлять, откуда взялась эта трава. Она припала к кокону, и травинки ласково вытирали ее слезы, но от капель ее слез на коконе трава росла еще пышнее.

— Травушка, вот если бы ты умела говорить.

— Синьюэ.

Синьюэ резко вскинулась. Голос, казалось, доносился изнутри кокона. Она соскочила вниз и в испуге воскликнула: — Кто ты?

— Ты видела меня.

— Ты та, кто выглядит точь-в-точь как я.

— Да.

— Почему же ты внутри? Выходи!

— Я не могу выйти.

— Почему?

— Когда твое сердце разобьется, я сама выйду.

— Сердце разобьется? — Синъюэ ничего не поняла и спросила: — Кто ты такая?

Из кокона больше не доносилось ни звука. Синъюэ попыталась постучать, но почувствовала, как сердце пронзила острая боль, и ей пришлось отступить.

Проснувшись от этого сна, она так и не смогла уснуть. Тихонько поднявшись, она перелезла через стену, собираясь домой.

Юаньюань и остальные уже спали. Синъюэ присела за их обеденный стол и тяжело вздохнула.

— Дядюшка Дэ, что же мне делать?

В этот момент кто-то бесшумно спустился сверху, и в мгновение ока дядюшка Дэ оказался перед ней.

— Синъэр, ты ранена?

Синъюэ покачала головой, показывая, что все в порядке.

— Синъэр, где ты пропадала эти дни?

Она не рассказала ему о планах отца, и это было единственным, что ее утешало.

— Нигде, просто была на задании, не переживай.

— Но моя Синъэр ведь несчастлива, верно?

Синъюэ разрыдалась от обиды, уткнувшись в плечо дядюшки Дэ.

— Плачь, плачь. А как выплачешься, расскажи дядюшке, что случилось, хорошо?

— Дядюшка Дэ, правда ли, что перед смертью матушка просила меня не мстить, а просто жить счастливо?

Дядюшка Дэ ласково погладил ее по голове, кивнул и ответил: — Госпожа не хотела, чтобы ты мстила, она лишь желала тебе радости.

— А как же ты, дядюшка?

— Мой долг — защищать тебя.

— Дядюшка Дэ, если бы во время того пожара ты первым спас А-Сян, она бы не погибла. Но ты спас меня. Почему же ты все еще так добр ко мне? Это я погубила А-Сян, ты должен ненавидеть меня.

— А-Сян... она бы поняла. — Взгляд дядюшки Дэ потемнел. Та, кого он любил больше всех, та, перед кем чувствовал такую вину, та, о ком боялся даже вспоминать — А-Сян была его величайшей болью в жизни.

Она росла вместе с дядюшкой Дэ. В детстве она почти не видела отца, и роль отца для нее исполнял именно он. Он покупал ей леденцы на палочке, рискуя навлечь на себя гнев отца; он тайно приводил ее к нему, когда она скучала, тоже рискуя быть высеченным; он всегда, когда вокруг царила ненависть, повторял ей: Моя Синьэр должна быть счастлива. Даже зная, что ему самому нужно отомстить за свою дочь, он неизменно выбирал защиту Синьюэ. В ее памяти образ настоящего отца становился все более размытым, ее детство и отцовская забота были связаны с дядюшкой Дэ, которого она давно считала своим самым близким человеком.

— Моя Синьэр влюбилась в Лу Сыцзиня? — спросил он очень мягко, ничуть не разгневавшись на то, что она привязалась к господину Лу.

Синьюэ кивнула и спросила: — Дядюшка Дэ, ты не злишься?

— Глупенькая Синьэр, как же дядюшка может на тебя злиться? Если моя Синьэр будет счастлива, дядюшка тоже будет рад.

— Но...

— Но что?

Синьюэ смотрела в добрые глаза дядюшки Дэ. Она знала, что у него тоже есть долг мести, и ее эгоистичное желание быть с господином Лу означало, что он никогда не сможет отомстить за А-Сян.

— Но отец не согласится.

— Синьэр, пока есть дядюшка, даже если отец будет против, я вырву для тебя шанс на счастье.

Синьюэ прильнула к груди дядюшки Дэ, как в детстве, когда болела: стоило ей полежать так, как на следующее утро она снова была полна сил.

— Синьэр, пока я рядом, все будет хорошо.

Это были самые утешительные слова, что она слышала. Синьюэ прикрыла глаза и тихо лежала, словно маленькая девочка в объятиях отца.

Солнечный свет упал на лицо. Когда Синьюэ проснулась, дядюшка Дэ уже готовил еду, вскоре проснулись и Юаньюань с остальными.

— Сестрица Синьюэ! — Юаньюань потерла глаза, не веря своему счастью, и с радостным криком бросилась к ней. Синьюэ присела, чтобы обнять ее в ответ.

— Сестрица Синьюэ, ты так давно к нам не приходила, мы так скучали.

Раньше она была занята заработком, днем — расследованиями, и, подсчитав, она поняла, что не была здесь почти полтора месяца. — Сестрица обещает вам, что теперь будет приходить чаще, договорились?

— Сестрица обманывает, ты раньше тоже обещала, а сама приходила все реже, — вставил Дабао.

Синьюэ не знала, смеяться или плакать — Дабао был прав.

— Дабао, Эрбао, идите сюда.

Они все еще немного дулись и медленно переступали ногами, показывая свой характер. Синьюэ протянула мизинчик: — Давайте пообещаем друг другу? Если сестрица соврет, в следующий раз вы не будете со мной разговаривать, хорошо?

Юаньюань подтолкнула Дабао, и тот, посмотрев на нее, сказал: — Сестрица, не смей обманывать, кто обманывает, тот собака. — И сцепил свой палец с ее.

— Зареклись, век не менять, кто нарушит — тот собака.

Эрбао тоже подошел, и Синьюэ по очереди скрепила обещание с каждым.

— Ну вот, теперь не злитесь?

Дабао и Эрбао застенчиво замотали головами: — Больше не злимся.

В этот момент дядюшка Дэ взмыл в небо и исчез без следа. Синъюэ поняла, что кто-то идет.

Она поспешно заняла место дядюшки, даже не взглянув, кто приближается. Вдруг Юаньюань закричала: — Это братец Лу! — Синъюэ посмотрела в ту сторону и увидела господина Лу на лошади. Возможно, из-за травмы он не смог слезть так ловко, как обычно.

— Господин Лу, вы завтракали? — спросила она, подавляя свои истинные чувства и стараясь звучать беззаботно.

— У Синъюэ, поехали домой. — Он сдерживал гнев, лишь бегло окинув взглядом детей, подошел к Синъюэ и выхватил у нее из рук миску с едой.

— Господин Лу, это ведь мой дом, вы не можете запретить мне быть дома. К тому же, я давно не ела вместе с Юаньюань и остальными.

Лу Сыцзинь осознал свою грубость — виной тому был страх. Он взглянул на детей и увидел, что те испуганно смотрят на него. Он хотел извиниться, но они лишь попятились.

— Простите, я вас напугал?

Синъюэ подмигнула им. Ребята, преодолевая страх, подошли ближе. Дабао сказал: — Ничего... страшного. Вы спасли... сестрицу.

Хотя он все еще боялся, он подошел и добавил: — Спасибо, что спасли сестрицу Синъюэ.

— Господин Лу, будете завтракать?

Пять человек за одним столом.

Дети ели немного скованно, и Синъюэ решила разрядить обстановку: — Дабао, ты не обижал эти дни Эрбао?

Юаньюань рассказала, что Дабао и Эрбао поссорились из-за одежды, которую она принесла, Дабао не хотел уступить, и Эрбао разрыдался.

— Сестрица Синъюэ, я не... — Дабао, который на днях довел брата до слез, продолжил: — Но я быстро отдал ему одежду, и он перестал плакать.

— Эрбао, это правда?

— Брат боится, что я плачу, — засмеялся Эрбао. Рисинка прилипла к уголку его рта, Синьюэ убрала ее и сама съела.

— Эрбао такой милый, Дабао тоже молодец.

— Братец Лу только что сказал, что купит вам много красивой одежды. Что нужно сказать?

Лу Сыцзинь удивленно посмотрел на нее. Синьюэ пнула его под столом, и он спохватился: — Да, братец купит вам много красивой одежды, скоро доставят.

— Спасибо, братец!

Мир детей так прост: если ты добр к ним, они перестают бояться.

Дабао положил в тарелку господина Лу овощи, за ним то же самое сделали Эрбао и Юаньюань. Этот жест застал Лу Сыцзиня врасплох. Он посмотрел на них, чувствуя вину за то, что только что хмурился, затем перевел взгляд на У Синьюэ и увидел, что она тоже смотрит на него. Она произнесла: — Господин Лу, вы что, от счастья дар речи потеряли?

Господин Лу лишь улыбнулся ей, потом детям и молча продолжил есть.

— Сестрица, ты сейчас уходишь? — грустно спросила Юаньюань.

— Сестрица...

Синьюэ не успела договорить, как господин Лу перебил ее: — Сегодня праздник фонарей, давайте мы с братом сводим вас погулять, хотите?

— Господин Лу? Вы...

Его раны еще не зажили, ему нужно было отдыхать. Она хотела отказаться, но увидела жадные глаза Юаньюань.

— Хорошо! Мы еще никогда не гуляли. Сестрица, мы можем пойти?

Синьюэ не смогла отказать детям и вздохнула: — Только обещайте сестрице, что будете все время держаться рядом с нами и не будете убегать, договорились?

— Да! — хором ответили трое и начали жадно доедать, мечтая поскорее оказаться на улице.

— Ешьте медленнее, праздник ведь вечером, солнце только взошло.

— А? — дети немного поникли, но перспектива прогулки все равно их радовала.

После завтрака у господина Лу были дела, и Синъюэ пришлось отправиться с ним.

Сидя на одной лошади с Лу Сыцзином, она пыталась подавить чувства, но не могла просто игнорировать мужчину за своей спиной.

— Господин Лу, ваши раны...

— Ничего, главное — не делать резких движений.

Синъюэ видела, что он держится, и не стала настаивать.

— Синъюэ, пожалуйста, не уходи больше из поместья самовольно, хорошо? — Его голос звучал так нежно, что у нее по коже побежали мурашки.

— Господин Лу, вы боитесь, что я уйду?

Он разрешал всем свободно покидать поместье, и только к ней предъявлял такие требования. Раньше она думала, что он просто ее ненавидит, но всякий раз, когда она тайком уходила, он либо наказывал слуг, либо в ярости искал ее. Сегодня же он не злился и не кричал, а лишь попросил не уходить самовольно.

Мужчина позади не ответил, лишь прибавил ходу. Лошадь скакала быстро, но она была надежно защищена его руками.

Под опекой господина Лу в Наньго было не так много преступлений. Порой ей казалось, что она совсем без дела. Вот и сейчас: она думала, будет расследование, а оказалось, что господин Лу просто вернулся в поместье и что-то пишет на рисовой бумаге. Синъюэ была в недоумении, знала бы — осталась бы с детьми.

— Господин Лу, вы пишете, а я пойду.

Она уже хотела выйти, но он окликнул ее:

— Стой, разотри мне тушь.

Синьюэ неохотно взялась за работу. Ей очень хотелось узнать, что он пишет, но он каждый раз пресекал ее любопытство взглядом.

— Ну и не надо, жадина.

Через полчаса господин Лу протянул ей лист бумаги с целым списком.

Устав о выходах из поместья.

Синьюэ взглянула на него и продолжила читать.

— Первое: У Синьюэ обязана докладывать хозяину дома при выходе.

Второе: У Синьюэ запрещено перелезать через стену, при обнаружении — наказание будет суровым.

Третье: У Синьюэ должна возвращаться до часа Сы, в противном случае — последствия на ее совести.

Четвертое: У Синьюэ при выходе должна сопровождать свита, будь то Сяочунь, А-Вэнь или хозяин дома.

Пятое: За нарушение — последствия суровые, слугам поместья — по 20 палок каждому.

— Господин Лу, не слишком ли? Я же не собираюсь бежать.

Господин Лу проигнорировал ее, поставил свою печать и протянул кисть, не давая шанса отказаться.

— Господин Лу, обязательно так?

Его взгляд был тверд, словно он говорил: не подпишешь — не выйдешь.

Синьюэ с неохотой поставила подпись и спросила: — Господин Лу, почему мне кажется, что я подписываю кабальный договор?

— Если хочешь, можем оформить продажу в рабство! — Он уже потянулся за бумагой, но Синьюэ поспешно пресекла попытку: — Господин Лу, меня вполне устраивает этот вариант, продажу оставим.

— Правда устраивает?

Синьюэ стиснула зубы и процедила: — Правда.

Лу Сыцзинь больше не скрывал торжествующей улыбки, отчего у Синьюэ разболелись зубы.

— Господин Лу, вы обижаете слабую девушку.

— Слабую девушку? Это ты-то?

— Вы бесстыдник!

— Нет, я бессовестный!

— Вы, вы, вы... — Синьюэ так рассердилась, что у нее заболел живот. Еще пара фраз — и она точно умрет от злости.

— Занимайтесь своими делами, я ухожу.

— Стой.

— Господин Лу, что еще?

Лу Сыцзинь встал, взял ее за руку и сказал: — Разве мы не собирались купить Дабао и остальным одежду?

Синьюэ посмотрела на свои руки в его ладони и отдернула их: — Купим, конечно, но зачем распускать руки? Я тебе не твоя Ляньэр.

— Я отправил ее из поместья.

Он снова протянул руку и спросил: — Так что, берешь или нет?

Синьюэ не могла поверить: еще вчера он обнимал возлюбленную, а сегодня — расстались?

Она смотрела на него в полном недоумении, но он хранил молчание, даже не пытаясь объясниться, лишь протягивал руку с выражением легкого недовольства.

Синьюэ хлопнула его по руке и с вызовом сказала: — Я... не возьму.

— У Синьюэ, ты...

Синьюэ уже сидела в повозке и сказала Лу Сыцзиню, который еще стоял снаружи: — Господин

Лу, ну вы и медлительный.

Лу Сыцзинь неспешно забрался в повозку и медленно протянул ей кошелек, в котором было ровно пятьдесят лянов.

— Господин Лу, ну надо же, какая щедрость.

Синьюэ достала пять лянов и вернула кошелек: — Господин Лу, этого вполне хватит!

Он снова протянул ей кошелек: — Возьми, вдруг еще на что пригодится.

Все, еще сто лянов не возвращено, теперь прибавилось пятьдесят. Как же с этим расплатиться? Она кашлянула и тихо спросила: — Господин Лу, эти деньги нужно возвращать?

Он придвинулся ближе и поддразнил: — А как ты думаешь?

— Думаю, не нужно?

Господин Лу усмехнулся: — Ты хоть знаешь, какая у тебя толстая кожа?

И правда, жадина. Синьюэ снова достала пять лянов и отдала ему: — Господин Лу, мне хватит и этого, больше я точно не верну!

Он и правда не стал церемониться, без колебаний забрал деньги и, встретившись с ней взглядом, спросил: — Ты же сама не берешь.

В тот момент ей так хотелось врезать ему кулаком.

Выбрав ткань для детей, она хотела было домой, но господин Лу зачем-то привез ее в лавку косметики. Синьюэ недоумевала: — Разве не рано покупать такое для Юаньюань?

— Это тебе.

— Мне? — Неужели он решил таким образом взыскать долг? Она поспешно отказалась: — Господин Лу, у меня есть!

— Не бойся, тебе не нужно за это платить!

— Правда?

Лу Сыцзинь кивнул. Синьюэ перестала скромничать и крикнула лавочнику: — Хозяин, дайте мне самую дорогую пудру!

Затем шепотом добавила господину Лу: — Господин Лу, вам еще не поздно передумать.

Господин Лу лишь снисходительно улыбнулся: — Главное, чтобы тебе нравилось.

Лавка косметики оказалась не последней. Лу Сыцзинь привел ее в магазин украшений, где браслеты и заколки стоили в разы дороже уличных.

— Господин Лу, вы что, умом тронулись? С чего бы обычно такой прижимистый господин Лу вдруг стал таким щедрым?

Лу Сыцзинь проигнорировал вопрос, указал на витрину с заколками и спросил: — Какая нравится?

— Ладно, гляну, — подумала она. Раз уж он решил потратиться, надо пользоваться моментом.

Синьюэ осмотрелась и остановила взгляд на шпильке: нефрит глубокого зеленого цвета, на ней вырезана живая фигура феникса, а на кончике распускается цветок лотоса — очень изящно и утонченно.

Лавочник заметил ее интерес и предложил: — Девушка, она вам очень идет.

Синьюэ посмотрела на господина Лу. Тот достал кошелек и спросил: — Сколько?

— Двадцать лянов.

Господин Лу отдал деньги, и Синьюэ чуть не прослезилась: — Господин Лу, вы такой добрый.

— Обойдемся без лести.

Сказано было, что купим одежду детям, но ее покупки заняли почти всю повозку. Синьюэ огляделась и горько усмехнулась: — Господин Лу, а где сидеть нам?

Лу Сыцзинь, видимо, предвидел это. Он хлопнул в ладоши, и А-Вэнь подвел лошадь.

— Это...

Не успела она договорить, как господин Лу посадил ее на коня, отдал пару указаний А-Вэню и

поехал по улице.

Прохожие, глядя на них, кто-то радовался, кто-то грустил.

Хотя кожа у нее была толстая, в такой ситуации ей хотелось провалиться сквозь землю.

— Господин Лу, это дорога не к моему дому.

Синьюэ становилось все страннее: обычно путь к ней лежал через лес, а здесь не было ни деревьев, ни даже хижин.

— Везу тебя в одно место.

<http://erolate.org/book/6/24>